

Я его играла еще много раз после обеда, в то время, когда он раскладывал свой большой пасьянс. «*Прекрасно, прекрасно*», — повторял он, проходя мимо меня в свой кабинет на послеобеденный отдых. Мы шли наверх, работали и читали до его пробуждения. Узнав, что он встал, мы спустились, чтобы провести остаток вечера с ним и тетей. Едва увидев, как я вхожу, он сказал мне: «*Представь себе, твоя музыка мне так понравилась, что я сейчас видел во сне твоего принца Людовика и с ним об ней говорил*». Все это доставило мне удовольствие, однако дядя не выглядел веселым и, чтобы его развлечь, я предложила ему почитать что-нибудь из его пятого тома. Он выбрал маленькую оду в греческом стиле (как он сказал), озаглавленную Полигимнии, вымышленное имя для означения девицы Стурдзы^{XIII}, которая очаровала его на вечере у мадам Свечиной, прочитав в совершенстве оду «Бог». Мы вышли из комнаты, так как дядя пожелал немного погулять по саду и подняться на вершину холма, который находился слева от дома и вид которого так красив. Там мы встретили мою тетю. Она указала ему, что все деревья, посаженные ими, так хорошо принялись, что и любимой его бани стало не видно. «*Все это хорошо, прекрасно*, — сказал он ей — *но все это что-то меня не веселит!*». Когда через несколько минут тетя нас оставила, он, не стесняясь больше, стал говорить: «*Я стар стал и кое-как остальные деньки доживаю*». Это испугало меня, я ласково взяла его за руку, говоря, что его меланхолия происходит, быть может, от состояния его здоровья. «*Нет, благодарить Бога, я сегодня здоров*», — он тотчас же вернулся и принялся за свой большой пасьянс. 3 июля, день его рождения, приближался. Семен Капнист^{XIV} прибыл накануне, чтобы провести его с нами. Это доставило удовольствие дяде, он расспрашивал его о политических новостях, о том, что говорят в Петербурге, и, услышав, как много недовольных и ропшущих, выразил удовольствие, что его там нет: «*Живем мы здесь спокойно*, — сказал он — *и долго меня в Петербург не заманют*». Тетя послала за священником, чтобы читать вечерние молитвы и «Тебя, Боже, славим», дядя чувствовал себя прекрасно, и мы просили Бога, чтобы он подольше оставался в таком состоянии. Сам он, стоя у двери в гостиную, молился с тем выражением спокойствия и покорности, которое всегда снисходило на него во время молитвы. Тайка, лежащая возле него на подушечке, привыкла не уходить, пока священник был там. Когда молитва закончилась, мой дядя пригласил священника попить с нами чаю, говорил о хлебе, об урожае, который, как он надеялся, будет хорошим, спросил, когда граф Аракчеев ждет к себе Императора и услышал, что это будет 8 или 9 сего месяца.^{XV} Время пребывания моего кузена Семена у нас прошло очень приятно, он заменил меня